

На территории корпорации «Хуаньту» даже после десяти вечера ярко горел свет.

Шэнь Цзуннянь завершил двухчасовую видеоконференцию. В телефоне уже скопилось несколько десятков сообщений. Он взял его, взглянул, помолчал немного и всё-таки отправил свои координаты.

Больше он ничего не ответил. Тань Юмин был из тех людей, которые распаляются тем сильнее, чем больше на них обращаешь внимания.

В дверь постучала Чжун Маньцин, чтобы уточнить расписание на завтра.

Шэнь Цзуннянь просматривал во внутренней системе документы, ожидающие одобрения:

— Решай сама.

— Хорошо. Господин Шэнь, сегодня днём мы снова получили приглашение от семьи Яо.

— Откажи им. — Его сосредоточенное лицо в свете монитора казалось суровым. Он делал несколько дел одновременно, но оставался абсолютно спокоен. — Постарайся перенести даты проверки качества на двух новых заводах на пораньше. Я тоже туда поеду.

Быстрорастущий товарооборот волновал Шэнь Цзунняня меньше, чем другие вещи:

— Снова вынеси план распределения средств на обсуждение. Сделайте упор на инновационные разработки и безопасность производства.

— Поняла. — Чжун Маньцин прошлась по всем нерешённым вопросам и напоследок добавила:

— Главный помощник Ян снова заказала для нашего генерального офиса поздний ужин.

Генеральный офис «Пинхай» — главного стратегического партнёра «Хуаньту» — перенял стиль своего руководителя. Они были приветливыми, открытыми и щедрыми, поэтому часто заказывали еду и напитки для офиса «Хуаньту».

Это всегда были блюда из закрытых элитных ресторанов. Каждый раз, когда нужно было ехать на совещание в «Пинхай», молодые сотрудники их офиса радовались и рвались в бой.

Ужин заказал офис «Пинхай» для офиса «Хуаньту», а не лично Тань Юмин для Шэнь Цзунняня, но Чжун Маньцин всё равно сочла нужным доложить об этом боссу.

Глаза Шэнь Цзунняня, прикованные к монитору, дрогнули. Он сказал:

— Тогда идите ешьте. Как закончите, можете идти домой.

— Хорошо.

Свет в приёмной погас. Шэнь Цзуннянь остался работать один. К тому времени, когда он разобрал почту, было уже больше одиннадцати. Но, вспомнив, что сегодня ему не нужно готовить ночной перекус, он решил пересмотреть сводки по зарубежным активам «Хуаньту» за последние три года.

Тем временем подчинённые прислали несколько торговых счетов «Жунсинь», которые просил проверить Чжао Шэнгэ. Шэнь Цзуннянь бегло просмотрел их и позвонил Чжао Шэнгэ. Трубку взяли очень нескоро.

— Алло.

Чжао Шэнгэ, должно быть, находился в каком-то закрытом пространстве: на фоне слышался шум проезжающих машин. Но, судя по тому, что голос собеседника звучал явно нездорово, Шэнь Цзуннянь не произнёс ни слова и просто повесил трубку.

Как по молчаливому согласию, тот перезванивать не стал.

Ближе к полуночи Шэнь Цзуннянь встал и вышел из кабинета. Проходя мимо дверей, он остановился.

В зале ожидания на диване спал человек. Ресницы у него были длинные. То ли ему снилось что-то неприятное, то ли ещё что, но брови были слегка нахмурены. Губы, как всегда, казались пухлыми и яркими. Видимо, он выпил: на бледном лице играл румянец.

Тань Юмина растолкали. Перед глазами возникла мрачная, холодная фигура. Шэнь Цзуннянь хмурился, выражение его лица было сложным. Высокий силуэт полностью накрыл его тенью, напоминая гору из сна, над которой сгущаются тучи.

— Что ты здесь делаешь?

Свет был тусклым. Спросонья голова Тань Юмина соображала туго, он не мог чётко разглядеть выражение его лица, лишь почувствовал, что голос звучит очень холодно.

Тань Юмин сел, пару секунд приходил в себя, поморгал заспанными глазами и сказал:

— Решил проверить, во сколько ты явишься домой, если я не приеду.

Шэнь Цзуннянь смотрел на него сверху вниз, глаза его были темны.

Тань Юмин ничуть не испугался:

— Боюсь, что ты умрёшь от переутомления.

Затем он потребовал ответа:

— Почему на сообщения не отвечаешь?

— Был на совещании.

Тань Юмин фыркнул:

— Ой, да конечно...

— Тань Юмин, — перебил его Шэнь Цзуннянь. Помолчав немного, он заметил: — Тебе не кажется, что ты пишешь слишком часто?

Тань Юмин нахмурился. Голова ещё гудела, и он отказывался воспринимать человеческую речь:

— Не кажется. — В его повышающейся интонации сквозила некая жестокая прямота и наивность.

Он потянулся:

— Если не будешь отвечать, я буду писать ещё больше. Сам наприсишься.

— ... — Шэнь Цзуннянь с минуту смотрел на него опущенным взглядом, затем оставил попытки достучаться. Он вернулся в кабинет, взял запасное пальто, бросил его на Тань Юмина и бросил: — Пошли.

Почти за полночь территория «Хуаньту» всё ещё сияла как днём. Светящиеся окна офисов в небоскрёбе напоминали сверкающие платиновые блоки конструктора. Каждый из них был точной деталью огромного механизма, сжигающего молодость, эмоции и здоровье многих молодых людей, чтобы безостановочно вращаться днём и ночью, поддерживая этот блестящий, утопающий в роскоши город желаний.

В зелёных зонах кампуса росли вечнозелёные пальмы, но баухинии уже начали увядать.

Тань Юмин шагал на холодном ветру, закутавшись в пальто Шэнь Цзунняня. Он вспомнил, как в первые два года, когда они только взяли на себя эти обязанности, они тоже почти никогда не уходили отсюда раньше десяти.

Ситуация в «Хуаньту» была куда сложнее и жёстче, чем в «Пинхай». Иногда Шэнь Цзуннянь вообще не ночевал дома.

В конце первого года, после того как Шэнь Цзуннянь с боем прорвался в совет директоров «Хуаньту», Тань Юмин почти неделю не мог дожидаться его возвращения и лично ворвался к нему в корпорацию.

Вдвоём они держались на крепком холодном лимонном чае, работая свехурочно. Глубокой ночью, когда лимон и чай становились терпкими и горькими, им было лень ехать домой. Они принимали душ в комнате отдыха на этаже руководства, спали пару часов как придётся, а потом снова вставали, чтобы готовиться к утренним совещаниям.

А в один год остров накрыла экстремальная непогода, какой не бывало уже десять лет. Из-за черных ливней и оползней на ключевом объекте «Хуаньту» произошла авария. Это даже привлекло внимание властей специального административного района.

Семья Шэнь, сборище никчёмных болванов, ради экономии не выделила достаточно средств на спасение сотрудников и выплаты семьям пострадавших. «Хуаньту» в одночасье стала мишенью для всеобщего гнева.

Это был первый крупный проект, за который взялся Шэнь Цзуннянь после того, как обрёл реальную власть. Правительство, СМИ, миллионы глаз наблюдали и требовали ответов. Шэнь Цзуннянь решил лично отправиться на передовую, чтобы руководить работами и поддержать боевой дух команды.

Целыми днями бушевали бури, было объявлено штормовое предупреждение. Тань Юмин очень хотел сказать: «Не ездь», но так и промолчал. Ему оставалось лишь каждый день сидеть как на иголках и молиться всем богам, чтобы Шэнь Цзуннянь вернулся целым и невредимым.

В последние годы дела Тань Юмина шли гладко, и он уже редко вспоминал о тех временах.

Но сегодня, глядя на спину идущего впереди и говорящего по телефону Шэнь Цзунняня, эти воспоминания вдруг всплыли сами собой.

Словно напоминая Тань Юмину о том, что жизнь Шэнь Цзунняня куда тяжелее, чем у кого-либо из его окружения, и что радость даётся ему с большим трудом.

Если даже Тань Юмин не сможет понять и поддержать Шэнь Цзунняня, то этот человек так и останется одиноким навсегда.

От этой мысли Тань Юмину стало не по себе. Он почувствовал тревогу и даже лёгкую панику, и тут же бросился догонять Шэнь Цзунняня.

Плечи у Шэнь Цзунняня были широкими, спина всегда держалась прямо. Поэтому было легко забыть, что человек, на котором всё держится и который берёт на себя все удары судьбы, тоже нуждается в заботе и нежности.

Машина уже давно выехала с территории корпорации, когда Шэнь Цзуннянь наконец повесил трубку. Повернув голову, он обнаружил, что Тань Юмин сидит не на своём привычном месте. Он прижался к нему, соприкасаясь плечами, накрылся его пальто и смотрел наружу только глазами.

— Тебе холодно?

Шэнь Цзуннянь хотел попросить водителя прибавить температуру, но Тань Юмин ответил, что ему не холодно:

— Как это в такое время кто-то ещё обсуждает с тобой работу?

Шэнь Цзуннянь повернулся к окну:

— Разница во времени.

— А-а, — Тань Юмин не стал развивать тему. Привалившись к нему, он сказал: — Я немного вздремну.

Тань Юмин мог спать где угодно. Пока рядом был Шэнь Цзуннянь, положи его хоть посреди улицы — и пушечным выстрелом не разбудишь.

«Бентли» свернул на улицу Обсерватории. В этот час здесь ещё толпились туристы, фотографируясь под вывеской «Бог любит людей», рядом с которой стояла церковь.

Оранжевый свет оставлял золотистый ореол на спокойном лице Тань Юмина. Из-за серых облаков вынырнула луна, её свет был ясным, но расплывчатым, словно свечение лампочки.

Когда пришло время, уличные фонари разом погасли. В наступившей крошечной тьме уже никто не мог сказать, любит ли бог людей по-прежнему.

Машина остановилась на улице Цзошидэн.

Свет был тусклым. Тань Юмин был пьян. Шэнь Цзуннянь позвал его несколько раз, прежде чем тот с трудом открыл глаза:

— Твою ж, как тошнит. — Он скомандовал: — Неси меня наверх на спине.

Шэнь Цзуннянь нахмурился. Тань Юмин легонько пнул его в голень и поторопил:

— Быстрее. — Его руки уже обхватили Шэнь Цзунняня за плечи. Шэнь Цзуннянь вздохнул, развернулся и присел.

Тань Юмин привычно забрался ему на спину. Спина Шэнь Цзунняня была для него самой родной и уютной постелью с детства. Обхватив его за шею, он приблизил губы к его уху и начал что-то невнятно бубнить. Шэнь Цзуннянь не мог разобрать ни слова, да и не хотел.

Тань Юмин дёрнул ногами и цокнул:

— Шэнь Цзуннянь, ты мне больно сделал.

— Терпи.

Ночью поднялся пронзительно холодный ветер. Шэнь Цзуннянь подкинул его на спине, чтобы перехватить поудобнее, и скомандовал:

— Опустит голову.

Тань Юмин тут же послушно уткнулся лицом ему в шею.

Тело Тань Юмина было тёплым, мягким и источало аромат уюта и счастья. Тело Шэнь Цзунняня автоматически считывало этот запах как сигнал безопасности, место, где можно найти укрытие.

Но вскоре Шэнь Цзуннянь уловил едва заметный чужой запах.

Сладкий, кричащий парфюм.

Запах был действительно очень и очень слабым, но загнанный в угол зверь-одиночка всегда обладает невероятно острым чутьём.

Впереди снова подул ветер, луна скрылась за облаками. Дорога была не такой уж короткой. Шэнь Цзуннянь нёс Тань Юмина на спине сквозь лёгкий туман ранней зимы, ступая по теням баухиний. Они прошли вместе через множество вёсен, зим, лет и осеней, но однажды этому пути всё равно придёт конец.

Вернувшись домой, Шэнь Цзуннянь опустил Тань Юмина на диван, достал из обувного шкафчика хлопковые тапочки и переобул его.

Голова у Тань Юмина уже не так сильно кружилась. Он потянул его вверх, заставляя подняться с пола:

— Ты весь вечер мне не отвечал, а я ведь купил для тебя крутой подарок! — Платить добром за зло — это ли не трогательно?

Шэнь Цзуннянь взял протянутую карту туманности, некоторое время молча смотрел на неё,

думая о чём-то своём.

За эти годы ради борьбы за власть и выгоду Шэнь Цзуннянь отказался от слишком многого: увлечений, отдыха, репутации и даже частичного здоровья.

Участие в астрономическом клубе осталось где-то в школьных годах, так далеко, что он и сам почти забыл об этом. Лишь Тань Юмин всё ещё помнил.

Шэнь Цзуннянь рассматривал подарок долго и бережно, но в голове невольно всплыла картина: Фэй на аукционе стоит рядом с самой дорогой картиной вечера и даёт интервью.

Шэнь Цзуннянь убрал руки.

«Тань Юмин и правда очень любит дарить людям подарки», — подумал он, опустив глаза.

Шэнь Цзуннянь спокойно произнёс «спасибо».

Тань Юмин опешил. Ему показалось, что реакция друга не совпадает с его ожиданиями, и он невольно почувствовал разочарование.

В душе он вздохнул, в очередной раз убедившись, что Шэнь Цзунняню действительно очень тяжело радоваться жизни.

Но Тань Юмин от природы был настойчив и готов был и дальше прикладывать усилия ради этого.

Шэнь Цзуннянь не заметил его расстроенного вида. Он вернулся в комнату, положил карту на стол, но, подумав, всё же убрал её в ящик.

Взял халат и пошёл в душ.

Остаточное тепло от Тань Юмина на его спине всё ещё чувствовалось. Дыхание, запах — на затылке, возле уха. Сладкое это было чувство или горькое, Шэнь Цзуннянь не знал. Струи воды не могли смыть фантомные прикосновения Тань Юмина, но, скользя по животу Шэнь Цзунняня, они пробуждали желание.

Шэнь Цзуннянь наблюдал за этим холодным взглядом, словно это было чужое тело.

Виновник всего этого сейчас бесстрашно подошёл и хлопнул по двери:

— Шэнь Цзуннянь, где твой планшет? Я хочу поиграть.

Капли воды стекали по его кадыку. Шэнь Цзуннянь с отвращением посмотрел на то место, которое стало ещё более возбуждённым от одного только звука этого голоса.

Он не ответил. Человек за дверью продолжил стучать. Стук раздавался раз за разом, словно мучительный огонь, словно зов смерти:

— Шэнь Цзуннянь, ты что там делаешь?

Шэнь Цзуннянь тяжело задышал. Прислонившись к стене, он с трудом запрокинул голову, пытаясь найти хоть каплю кислорода во влажном тумане ванной.

— Открой дверь!

Лицо в зеркале исказилось и оцепенело. Шэнь Цзуннянь отрёкся от собственного тела и не стал отвечать Тань Юмину.

Вскоре ванную комнату полностью заволочло густым паром.

Приближались выборы в торговой палате. Разные фракции плели интриги. Во второй половине месяца воздух Хайши постепенно пропитался едва уловимым напряжением.

Общительность Тань Юмина заметно возросла.

Нынешняя смена власти представляла собой борьбу молодого и старого поколений. Люди возраста Тань Юмина уже распрощались с юношеской наивностью, но ещё не достигли возраста, когда можно твёрдо держать власть в своих руках.

— Я так тебе помогла, а ты отделываешься от меня столом, полным народа? — Кан Ятун нашла Тань Юмина, который прятался на террасе.

<http://bllate.org/book/17117/1599351>